

Гун Фэйчжэн снова усмехнулся. В его глазах читалась насмешка. Хотя он не проронил ни звука, этот взгляд был вызывающе острым, словно он сдирал с человека кожу слой за слоем, проникая в самую глубину души и не оставляя места, где можно было бы спрятаться.

Лю Цинъянь надула щеки и, покраснев, уже хотела было возмутиться, но внезапные перемены неподалеку под деревом отвлекли её внимание.

Схватка между людьми клана Наньгун и секты Шанцзянь шла полным ходом. Наньгун Юэ и её младший брат, хоть и были самыми искусными бойцами, всё же оставались вдвоём. Как говорится, один в поле не воин, и какое-то время им удавалось лишь на равных сдерживать натиск четверых противников из секты Шанцзянь.

Наньгун Юэ видела, что остальные две группы лишь наблюдают со стороны, и опасалась, что, подобно богомолу, охотящемуся за цикадой, в итоге лишь поработает на чужое благо. Она тут же собралась с силами, применила фамильный стиль Меча Пронзающего Неба, жестко отбила выпад Цзян Юэлуна и, отступив, выпрыгнула из круга сражения, громко крикнув:

— Довольно, остановитесь!

Цзян Юэлун поднял руку — властно, как и подобает главе секты, — и остановил своих людей:

— Больше не хочешь сражаться?

Наньгун Юэ с лязгом загнала клинок в ножны:

— Издревле мастера праведных путей сходятся в поединках не ради убийства и не ради вражды, а лишь для обмена опытом. Сегодня мы, двое из клана Наньгун, против ваших четверых из секты Шанцзянь сыграли вничью. Кто сильнее — и так ясно, к чему продолжать?

Лицо Цзян Юэлуна помрачнело:

— Глава клана Наньгун хочет сказать, что мы взяли числом?

Наньгун Юэ лишь холодно усмехнулась:

— Впереди великие дела, к чему мелочиться? Не забывайте, зачем мы сегодня прибыли на Тяньшань.

Цзян Юэлун фыркнул:

— У этой ведьмы, может, и есть способности, способные достичь небес, но она всего лишь одна. Четыре великих союза Циньшаня собрали здесь лучших мастеров, неужели мы испугаемся одной приспешницы демонического культа?

Наньгун Юэ посмотрела на него с нескрываемым презрением:

— Когда Гун Се странствовала по миру, даже такие великие школы, как Шаолинь и Удан, дрожали от страха, а крепость Янь и поместье Лю, прославленные как святыни боевых искусств, объявляли полную боевую готовность. Не сочтите, что я возвеличиваю чужие заслуги, принижая наши, но в Циньшане мы, может, и считаемся значимыми фигурами, а что мы значим в масштабах всего мира?

Лицо Цзян Юэлуна изменилось, но признавать правду он не хотел:

— Эта Гун Се появляется из ниоткуда и исчезает в никуда лишь благодаря подлым приемам демонов, которыми она сеет смуту среди великих сект. Если она так сильна, почему не бросит вызов Лю Даочжэну или Янь Наню? Почему не пойдет прямо к Куньлуню или Удану?

Наньгун Юэ насмешливо посмотрела на него:

— Раз она никчемна и способна только на подлые нападения исподтишка, почему же ты сам так не сделаешь?

Цзян Юэлун лишился дара речи, его лицо залилось краской.

Седовласый старец, видя, что драки больше не будет, а пустая перепалка бессмысленна, подал голос:

— Важнее всего сберечь силы. Ведьма хитра и неуловима, кто знает, действительно ли она отказалась от сокровищ? Быть может, у неё в руках та самая половина карты, и она только ждет, когда мы принесем ей вторую, чтобы она могла завершить задуманное.

Все умолкли. По спине пробежал холодок от пронесшегося горного ветра.

Наньгун Юэ огляделась:

— Тогда давайте осмотрим окрестности, найдем безопасное место, а на закате вместе отправимся на поиски карты. Мы теперь в одной лодке, поэтому лучше держаться сообща. — Сказав это, она многозначительно взглянула на Цзян Юэлуна.

Тот лишь фыркнул в ответ и, не говоря ни слова, повел своих учеников в сторону.

Гун Фэйчжэн поднял голову к небу, всем своим видом показывая скуку, а затем прошептал на ухо Лю Циньянь:

— Чэн-эр, пойдем отсюда. Это представление не стоит внимания, никакой новизны.

Хотя это прозвучало как мягкий вопрос, он не оставил Лю Циньянь ни шанса высказать своё мнение. На самом деле, она хотела досмотреть. Ей хотелось знать, что будет дальше, как эта толпа перегрызется между собой, пойдут ли они к центру озера, когда стемнеет, и удастся ли им найти ту самую легендарную карту сокровищ...

Она только начала свой путь в мире боевых искусств, всё вокруг казалось таким новым, и ей было любопытно абсолютно всё!

Но стройная и сильная рука Гун Фэйчжэн обхватила Лю Цинъянь, и, укрывшись за деревьями, словно большая птица, та легко и грациозно унесла её вглубь леса.

Ветер в лесу нежно ласкал кожу, вокруг разливалась лесная свежесть, листва мягко скользила по телу, а солнечный свет, пробиваясь сквозь кроны, ложился пятнистым узором на развевающиеся подола платья, отчего белые одежды словно покрывались яркими, постоянно меняющимися цветами...

— Как красиво... — выдохнула Лю Цинъянь, но не забыла крепко вцепиться в халат Гун Фэйчжэн — восторг от полета не мог пересилить страх высоты.

Гун Фэйчжэн обернулась и посмотрела на неё, и от этого взгляда Лю Цинъянь на мгновение замерла.

Зелень деревьев стремительно мелькала позади, превращаясь в фон. Пятнистый солнечный свет ложился на её изящное лицо, и в этой игре света и тени глаза Гун Фэйчжэн казались глубокими и чистыми, одновременно легкомысленными, дьявольски притягательными, дерзкими и острыми...

Ветер шумел в ушах, и Лю Цинъянь забыла о недавней схватке. Её мысли внезапно заполнил этот странный взгляд, от которого внутри всё дрожало. Ей хотелось отстраниться, но она не могла оторвать глаз, беззащитно подставляя себя под этот пронзительный взор.

Вскоре показалась ветхая хижина. Когда Гун Фэйчжэн разжала руку, обнимавшую Лю Цинъянь за талию, они уже стояли перед домом. Заходящее солнце окрасило лес в роскошные и безмятежные золотые тона.

Густая, сочная зелень травы перед домом говорила о том, что хозяева здесь бывают редко. Жизнь была ключом, наполняя сердце радостным трепетом.

Лю Цинъянь вдруг вспомнила тех людей у Небесного озера и не удержалась от вопроса:

— А что будет с ними?

Гун Фэйчжэн покосилась на неё, и в её голосе проскользнула озорная, ничем не прикрытая власть:

— Ты рядом со мной, почему беспокоишься о других?

Лю Цинъянь спасовала перед её бесцеремонностью и робко пробормотала:

— Мне просто... любопытно...

Снова это «мне». Гун Фэйчжэн наконец рассмеялась. Чистота и наивность Лю Цинъянь казались ей такими милыми, забавными, вызывающими желание подразнить.

Она протянула руку и ущипнула Лю Цинъянь за щеку — Гун Фэйчжэн была именно такой: делала то, что хотела, не заботясь о мнении окружающих.

Лю Цинъянь что-то невнятно заворчала в знак протеста, но Гун Фэйчжэн это только раззадорило, и она долго не отпускала её. У Лю Цинъянь на глазах выступили слезы, и она выглядела так, будто вот-вот заплачет. Когда Гун Фэйчжэн наконец убрала руку, кулачки девушки забарабанили по её плечам:

— Я выросла, и никто ещё не смел так надо мной издеваться! Даже Цинхун себе такого не позволял...

Но эти удары были слабыми. Для мастера боевых искусств такое поведение человека, не владеющего навыками, было сродни щекотке.

Гун Фэйчжэн оставалась невозмутимой. Она смотрела на Лю Цинъянь, игнорируя её возмущение, а спустя некоторое время низким, нарочито серьезным голосом произнесла:

— Разве так подобает вести себя с учителем?

Руки Лю Цинъянь замерли. Она опустила голову и пробормотала:

— Я ведь ещё не признала тебя учителем...

— Не хочешь быть моей ученицей? — Гун Фэйчжэн приподняла бровь, скрестив руки на груди.

— Проблема в том, что... — Лю Цинъянь снова теребила край одежды. Ей было очень неловко, как было бы неловко любому на её месте.

Гун Фэйчжэн покачала головой с видом крайнего разочарования и отвела взгляд:

— Ладно, ладно. Не буду принуждать. Если не хочешь — как хочешь, не беда.

Не успела она договорить, как уже зашагала к выходу из двора. Трава под её ногами тихо шуршала. Стройная фигура выглядела свободной, но в лучах закатного солнца в ней чувствовалось некое одиночество.

Одинокий силуэт удалялся всё дальше, и Лю Цинъянь наконец вскочила:

— Ты куда?

Белая фигура не остановилась ни на секунду и даже не обернулась. Никаких колебаний или насмешливого взгляда, как она ожидала. Гун Фэйчжэн лишь бросила через плечо:

— Прощай. — И, пересекая лужайку, скрылась в лесу.

Лю Цинъянь закричала вслед удаляющейся спине:

— А как же я? Тут дикая глушь... мне страшно!

Голос человека в белом прозвучал отчетливо, словно у самого уха, хотя сама она уже исчезла из виду:

— Сиди тихо. Если захочешь стать моей ученицей — я вернусь.

Голос затих. Лю Цинъянь в отчаянии опустилась на каменные ступени, сердито подняла сухую ветку и принялась беспорядочно чертить на земле, проклиная Гун Фэйчжэн за её полную безответственность и отсутствие сострадания.

Помахав веткой впустую, она почувствовала голод и забормотала:

— Гун Фэйчжэн, ты злая женщина! Бросила меня здесь, а если придут дикие звери, я же погибну! Даже если их нет, я просто умру от голода...

Бормотание перемежалось урчанием в животе. Наступал холод. Когда последние лучи солнца скрылись, Гун Фэйчжэн так и не вернулась, и Лю Цинъянь стало по-настоящему страшно...

Ночные горы утопали в густых тенях. Казалось, среди горных пиков притаились чудовища. Ночной ветер раскачивал деревья, издавая шорохи, а в тишине то и дело раздавался низкий рык неведомых зверей. Огромное давление заставляло чувствовать, будто ночь — это пасть гигантского зверя, в которой она оказалась, ожидая своего конца...

Небо начало меняться. Дневное тепло словно испарилось, ударил холод. Вместо привычного лунного света в блеклом сером небе повалил густой снег. Резкая перемена температуры напомнила Лю Цинъянь, что она на Тяньшане, а не в Цзяннани...

Лю Цинъянь терла руки и в отчаянии кричала в пустоту:

— Гун Фэйчжэн... Гун Фэйчжэн...

Ночь поглотила её голос. Лишь тихо падали снежинки, да где-то в лесу раздавались шорохи — видимо, что-то потревожило животных. Лю Цинъянь почувствовала слабость и холод, пробирающий до костей. Она в ужасе забилась в угол, а потом, не выдержав холода, вбежала в дом, юркнула под одеяло и, дрожа, в бессилии звала в ночное небо:

— Гун Фэйчжэн... мне страшно...

Гун Фэйчжэн не обладала ни дальноркостью, ни сверхслухом, поэтому, конечно же, не слышала криков Лю Цинъянь.

В этот момент она сидела на огромном валуне. Серебряная маска с узором из вьющихся растений ярко блестела в лунном свете, отчего прорези для глаз казались ещё более глубокими и таинственными. Она небрежно полулежала, снежинки падали с неба, но, едва приблизившись на три фута, словно растворялись в воздухе. В этой безмолвной снежной ночи от неё веяло чем-то непостижимым.

Ночь была уже глубока.

Из густого леса беззвучно вышла фигура в черном. Плавные, женственные изгибы тела не могли скрыть даже густые сумерки. У неё были глубокие черты лица, ясный контур, а глаза сияли, как звезды на небосклоне. Лицо было прекрасным, но на виске виднелся странный красный узор, придающий ей зловещий и загадочный вид.

Глядя на Гун Фэйчжэн, она с тоской и жадой прошептала:

— Почему каждый раз, когда я вижу тебя, ты в маске?

— Тот, кто видел моё истинное лицо, обречен на смерть. Я не хочу, чтобы ты умерла, поэтому и не показываю его. — В глубоких глазах не было эмоций, но в голосе слышался едва уловимый вздох.

— А как же она? — голос женщины в черном стал выше.

— Биюэ, ты слишком много на себя берешь, — холодно ответила Гун Фэйчжэн.

<http://bllate.org/book/21781/2252307>